

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИНТЕРНА И ОБРАЗОВАНИЕ КПЧ В ДОКУМЕНТАХ ПЕРВЫХ СОВЕТСКИХ МИССИЙ В ЧЕХОСЛОВАКИИ (1920–1921 ГГ.)

НИКОЛАЙ СТАНКОВ

В советской и постсоветской историографии рассматривались различные аспекты деятельности Коминтерна в Чехословакии и образования КПЧ: контакты Б. Шмерала, А. Запотоцкого, К. Крайбиха и их соратников с В.И. Лениным, внутрипартийные противоречия, «помощь» Коминтерна в их преодолении и т.д.¹

В настоящей статье предпринята попытка показать, какие проблемы деятельности Коминтерна и формирования коммунистической партии в Чехословакии нашли отражение в документах миссии Красного Креста и торговой делегации РСФСР в Праге в 1920–1921 гг., как складывались взаимоотношения первых советских миссий с исполнительным комитетом Коммунистического Интернационала (ИККИ).

Миссия Красного Креста РСФСР во главе с С.И. Гиллерсоном прибыла в Прагу 10 июля 1920 г. Хотя по своему официальному назначению она должна была заниматься военнопленными, в действительности на нее возлагались разноплановые задачи: от установления контактов с президентом и правительством ЧСР до конспиративных дел. В частности, через миссию Коминтерн поддерживал связь с леворадикальными элементами в Чехословакии и в соседних странах, для чего использовались шифрограммы и дипломатические курьеры. В телеграммах часто встречается информа-

1 См., например: Клеванский, Александр Харитонович: В.И. Ленин и борьба за создание Коммунистической партии Чехословакии. In: В.И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Москва 1973, с. 108–116; Фирсов, Фридрих Игоревич: В.И. Ленин, Коминтерн и образование Коммунистической партии Чехословакии. In: Третий конгресс Коминтерна. Развитие конгрессом политической линии коммунистического движения. Коммунисты и массы. Москва 1975, с. 342–398; Он же: Великий Октябрь, Ленин и образование Коммунистической партии Чехословакии. Новая и новейшая история 1987, № 3, с. 24–38; Он же: Коминтерн: погоня за призраком. Переосмысление. Москва 2019, с. 122–124.

ция, адресованная Г. Е. Зиновьеву, К. Б. Радеку, Б. Куну, Я. Салату и др. В составе миссии был В. Вишневецкий, числившийся официально бухгалтером, а в действительности выполнявший поручения Коминтерна. Он встречался с представителями левизы. Через него поступали деньги не только чехословацким левым, но и венгерским, и украинским коммунистам. 28 августа Вишневецкий писал Радеку: «Мое присутствие здесь создало положение совместной работы с чешскими, украинскими и венгерскими коммунистами. Названные коммунисты требуют моего участия в решении ответственных вопросов. Не имея от Вас полномочий для таковой работы, прошу выяснить возможность моего дальнейшего участия в ней».² Через десять дней Вишневецкий вновь писал Радеку: «Необходимо срочно выдать венгерским и украинским товарищам до ста тысяч денег чешских крон. Сообщите срочно, из каких источников выдать, из средств миссии или других. В первом случае сообщите Гиллерсону о выдаче денег».³ Гиллерсон и Вишневецкий имели своих «корреспондентов» в Румынии и Польше.⁴

Советская миссия Красного Креста была непосредственно причастна к подготовке восстания в Восточной Галиции. Как сообщал 10 августа Гиллерсон Чичерину, в Восточную Галицию было направлено 30 агитаторов, готовы к выступлению 500 казаков, затем предполагалось в уезды, охваченные восстанием, переправить еще 2000 человек. Оружием восставшие были обеспечены, но необходимо были еще 200 тысяч чешских крон.⁵

Через миссию осуществлялась связь Москвы с революционным подпольем в Подкарпатской Руси. Так, 24 октября Гиллерсон переслал Чичерину доклад комиссара, который ездил «для обследования дел на месте» и создал временный революционный комитет (ревком), который состоял из пяти человек, постоянно находившихся в Подкарпатской Руси, и комиссара – в Праге «для связи с другими организациями». Ревком направлял работу всех партизанских отрядов и подпольных ячеек в Галиции и Подкарпатской Руси. Комиссар просил предоставить денежные средства «дабы не загасить революционный пыл среди населения Галиции и Карпатской Руси».⁶ От своего имени Гиллерсон поддержал просьбу комиссара: «В виду отсутствия в данное время средств у организации, просим в самом срочном порядке разрешить вопрос с заинтересованными учреждениями и сообщить ответ по радио».⁷

2 Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53927, л. 22.

3 Там же, л. 6.

4 Там же, л. 33, 57.

5 Там же, л. 7.

6 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53925, л.11–13.

7 Там же, л. 9.

Значительное внимание в донесениях Гиллерсона уделялось подготовке XIII съезда Чехословацкой социал-демократической рабочей партии (ЧСДРП), который был назначен на 25 сентября 1920 г. Коминтерн делал ставку на раскол партии. 26 августа малое бюро ИККИ (Зиновьев, Бухарин, Руднянский, Мейер и Кобецкий) «советовало» левым социал-демократам «немедленно после партийного съезда, независимо от его исхода, организовать компартию»,⁸ приняло открытое письмо к левице и коммунистическим группам в Чехословакии, питая «твердую надежду, что чехословацкий пролетариат в скором времени встанет на общую почву принципов Третьего Интернационала и победоносно развернет знамя социальной революции рука об руку с пролетариатом остальных народов Европы».⁹ Малое бюро поручило М. Ванеку в качестве представителя ИККИ выступить на съезде с докладом о II конгрессе Коминтерна и обратилось к съезду с просьбой делегировать его в ИККИ.¹⁰

Устремления Коминтерна не учитывали действительного положения дел в рабочем движении Чехословакии. В то же время были далеки от реальности и надежды лидера левицы Шмералья перевести всю партию или по крайней ее большинство на позиции III Интернационала.¹¹

13 сентября 1920 г. Гиллерсон писал Чичерину, что левые рассчитывают на большинство на съезде и что правые, следуя партийной дисциплине, ему подчинятся. В случае большинства левых на съезде Шмераль, руководствуясь указаниями Коминтерна, должен потребовать выхода социал-демократов из правительства, что повлечет за собой падение кабинета В. Тусара и назначение новых выборов. Шмераль возлагал большие надежды на усиленную пропагандистскую кампанию накануне выборов. «Мягкими средствами надеется достигнуть больших результатов», – писал о планах Шмералья Гиллерсон. Но он опасался, что не все пойдет так гладко, что после отставки правительства Тусара будет составлен «деловой кабинет из резко-реакционных элементов», не исключал «военной диктатуры», например во главе с генералом Я. Сыровы, «усиления влияния Франции и отказа от нейтралитета, репрессий внутри, активной противосоветской политики со всеми ближайшими и дальнейшими последствиями». Что же касается попытки совершить социалистическую революцию в Чехословакии, к чему

8 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 495, оп. 2, д. 1, л. 77.

9 Коммунистический Интернационал, 1920, № 13, с. 2624.

10 РГАСПИ, ф. 495, оп. 2, д. 1, л. 77.

11 См.: Фирсов, Ф. И.: В.И. Ленин, Коминтерн и образование Коммунистической партии Чехословакии, с. 351–352.

призывал ИККИ, то Гиллерсон приводил мнение Шмеряля, что вне связи с революционным движением в соседних странах она не может завершиться успешно, что «изолированная политически и топографически Чехия на революционную деятельность неспособна». «Все зависит от международной ситуации, от наших успехов на фронте и от хода вещей в Германии», – писал Гиллерсон Чичерину 13 сентября. Поэтому он предлагал «пока правительство оставить [в] настоящем виде» и «ограничиться требованием новых парламентских выборов к началу будущего года». Гиллерсон просил Москву срочно отменить ранее данные Шмерялю инструкции.¹²

Но отмены не последовало, и события стали развиваться иначе, чем предполагал Шмеряль. Вопреки его уверениям «о партийной лояльности правых», еще до съезда произошел раскол в редакции «Právo lidu». «Правые взяли решительный противобольшевистский курс, – с тревогой писал Гиллерсон Чичерину 19 сентября, – их враждебное отношение к Советской России уже выявляется и можно ожидать более резких выпадов и агитации».¹³ 22 сентября он писал Чичерину, что в связи с расколом ЧСДРП и деятельностью Коминтерна «поднята травля против нашей миссии». С середины сентября в пражских газетах появляются одна за другой статьи, разоблачающие закулисную деятельность миссии. Поэтому Гиллерсон просил Москву отсрочить приезд ряда лиц, а почту пересылать через Берлин.¹⁴ Невзирая на столь критическое положение советской миссии, Ленин 25 сентября, в день открытия съезда, прислал Гиллерсону телеграмму с требованием разоблачить бывшего члена ЦК Чехословацкой коммунистической партии в России Ф. Бенеша. Ленин требовал, чтобы Гиллерсон немедленно опубликовал в прессе и передал съезду ЧСДРП, что ссылка Ф. Бенеша на якобы состоявшуюся его беседу с Лениным о возможности или невозможности диктатуры пролетариата в Чехословакии является от начала до конца лживой, что Ленин не только никогда с ним не беседовал, но не видел его.¹⁵

На XIII съезде ЧСДРП 25–28 сентября 1920 г. окончательно произошел раздел партии на правицу и левицу и противостояние между ними усилилось.

В донесениях в Москву Гиллерсон подчеркивал, что правица присоединилась к критике внутренней и внешней политики большевиков, используя для этого печать, партийные мероприятия, трибуну Национального собрания. А. Немец заявил в Национальном собрании: «Чешские социал-демократы не могут разделять взгляды коммунистов... Русская Советская

12 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53927, л. 16.

13 Там же, л. 19.

14 Там же, л. 21.

15 Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Москва 1978, т. 9, с. 307.

республика за три года своего существования принесла пролетариату лишь неизмеримые страдания и муки. [...] Мы от Ленина инструкций не хотим и не нуждаемся в них».¹⁶ На съезде ЧСДРП (правицы) 27–29 ноября 1920 г. (также названным XIII съездом) Ф. Соукуп, докладывая о положении в партии, видел причину раскола социал-демократии, которая могла стать ведущей партией в ЧСР, в том огненном факеле, который Москва бросила в пролетариат всего мира. «Русские коммунисты хотят стать диктаторами мировой революции. [...] Мы не подчинимся III Интернационалу, не позволим командовать собой Московскому централизму», – говорил Соукуп.¹⁷ Широкий резонанс в прессе вызвало выступление на съезде Я. Полаха, который накануне съезда только вернулся из Советской России. Он обличал советскую действительность и заявил, что «в России нет и в помине коммунизма».¹⁸

«Какими силами располагает правица, документально трудно определить, – отмечается в отчете советской миссии Красного Креста в Праге за ноябрь 1920 г. – «Rudé právo» утверждает, что за ней идут лишь незначительные слои рабочих, но главными ее приверженцами являются служащие в больничных кассах, партийных кооперативах и т.п. Промышленный пролетариат идет с левицей. Но мы не ошибемся, если скажем, что за правицей стоит почти половина членов бывш[ей] с[оциал]-д[емократической] партии. В парламенте из 80 депутатов с[оциал]-д[емократов] в клуб левицы входит лишь 22. В сенате почти все с[оциал]-дем[ократы] принадлежат к правице».¹⁹

Далее в отчете речь шла о левице, указывалось, что «по своему составу и настроению она все еще крайне неопределенна», что при первом же более или менее решительном выступлении среди нее вполне возможен раскол: «Есть в ней группы, как например [в] Кладно, которые являются определенными и открытыми коммунистами, но среди ее руководителей есть и такие, которые или стыдятся названия коммунист или стараются как-нибудь этот неприятный вопрос [замолчать]. Надежда на мирный переход к социализму глубоко сидит в сердцах многих левичаков».²⁰

В отчете также сообщалось о споре между левицей и правицей об имуществе партии, который суд решил в пользу правицы. Не соглашаясь с решением суда, левица обратилась с обширным воззванием ко всем трудящимся, доказывая свое право на Народный дом и предостерегая, что «рабочие бу-

16 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53928, л. 27.

17 Там же.

18 Там же, л. 27–28.

19 Там же, л. 28.

20 Там же.

дут силой защищать партийное имущество». Появились слухи, что правица готовится к вторжению в Народный дом, и из Кладно сразу же приехало несколько сот рабочих для его защиты.²¹

Решающая схватка за Народный дом состоялась 9 декабря 1920 г. Левица в ответ на его захват правыми призвала к забастовке, в которой участвовало около миллиона рабочих.²² Сообщая об этих событиях в НКИД, Гиллерсон писал, что арестовано около двух тысяч человек, в том числе ряд руководящих деятелей: А. Муна, А. Запотоцкий и др. По мнению Гиллерсона выступление не было организовано, оно было спровоцировано правительством и правицей.²³ В этом донесении, а затем в письме Чичерину от 7 февраля 1921 г. Гиллерсон отмечал, что следствие по делу коммунистов установило компрометирующую связь с Москвой. Этим не замедлил воспользоваться министр иностранных дел ЧСР Э. Бенеш, чтобы обвинить Советскую Россию во вмешательстве во внутренние дела страны.²⁴

«В заграничном представлении вообще, в Чехословакии, в частности, Коминтерн конгруирует с Москвой, исполнительный комитет III Интернационала отождествляется с советским правительством, агрессивность коммунистического авангарда пролетариата претворяется в агрессивность Советской России», – писал Гиллерсон Чичерину 7 февраля. По его мнению, «разомкнуть этот круг представлений и сопоставлений невозможно». Повсюду господствуют убеждения об участии руководителей Коминтерна, ЦК РКП(б) в правительственной деятельности, о влиянии этих органов на политику советского государства, использующего все средства, чтобы «вызвать революционное движение во всей Европе, во всем мире (и даже в его окрестностях)». Отсюда недоверие к заявлениям советского правительства о демобилизации Красной армии, об оборонительном характере военной политики, о стремлении к хозяйственному строительству и т.д. «Все резолюции в этом смысле, мол, лишь для отвода глаз, – писал Гиллерсон. – [...] Не только нашу дипломатию считают тайной, но и всю правительственную деятельность конспиративной».²⁵

В этом письме Гиллерсон позволил себе, по его собственному признанию, «еретическое отступление», выразив сомнение в целесообразности в то время мировой революции. Наблюдая хаос и экономическую разруху, вызван-

21 Там же.

22 См.: Фирсов Ф. И.: Великий Октябрь, Ленин и образование Коммунистической партии Чехословакии, с. 32.

23 РГАСПИ, ф. 495, оп. 71, д. 3, л. 2.

24 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 274, д. 53929, л. 3.

25 Там же, л. 1.

ные революцией в России, он предполагал, что «революционное движение за границей расстроит и там хозяйство на более или менее продолжительный срок», и «помощи оттуда получить мы не сумеем». А безграничной технической помощи в широких масштабах не удастся ни наладить хозяйственную жизнь, ни осуществить электрификации, которая рассматривалась как предпосылка для успешного коммунистического строительства. «Не наладив нашего хозяйства, мы обречены на гибель, – считал Гиллерсон. – Погибнет первое показательное социалистическое государство, которое могло бы служить самым сильным, самым убедительным революционирующим примером для мира».²⁶

Подобного рода суждения Гиллерсон позволял себе иногда и в письмах в Москву, и в разговорах с сотрудниками миссии. 4 января 1921 г. Вишневецкий писал в НКВД, что глава миссии отрицательно высказался относительно декабрьских событий, заявив, что «чешские так называемые коммунисты сделали большую глупость, призывая пролетариат к выступлению и забастовке накануне праздников, благодаря чему коммунисты потерпели поражение».²⁷

Сам Вишневецкий считал декабрьские выступления «генеральной пробой чешского пролетариата и смотром коммунистических сил, и в целом проведенные удачно, хотя с большими организационными недостатками».²⁸ Через несколько дней после событий Вишневецкий имел беседу с Б. Шмералем и эмиссаром Коминтерна М. Ракоши, прибывшим нелегально в Чехословакию. Было решено в течение месяца-полтора созвать партийный съезд, на котором предполагалось принять условия вступления в III Интернационала и дать партии название коммунистической.²⁹

В первые месяцы 1921 г. Гиллерсон регулярно информировал Москву о подготовке к созданию компартии. 8 января 1921 г. он телеграфировал Чичерину: «ЦК немецких левых выпустил воззвание, призывающее к объединению с чешской левицей и образованию единой коммунистической партии в Чехословакии. На происходившей 1–2 января конференции чешской левицы постановлено созвать экстренный съезд в марте, где будет решен вопрос об образовании коммунистической партии и о слиянии с немцами».³⁰ 1 февраля Гиллерсон сообщал в Москву, что съезд левицы по вопросу присоединения к III Интернационалу назначен на 28 марта, но возникли серьезные

26 Там же, л. 4.

27 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 273, д. 53923, л. 5.

28 Там же, л. 4.

29 Там же, л. 5.

30 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 274, д. 53932, л. 8.

проблемы: «До последних дней была уверенность, что съезд выскажется положительно за безоговорочное присоединение, теперь возникает сильное сомнение». Большинство ЦК левизы агитирует против присоединения к Коминтерну, Шмераль и его сторонники оказались в меньшинстве.³¹ 5 февраля в телеграмме Чичерину Гиллерсон вновь подчеркивал: «Раскол левых углубляется, берут верх оппортунисты, можно ожидать образования независимой [партии], в которую войдут значительная часть левизы и часть правизы. [...] Противники присоединения к III Интернационалу в левизе говорят, что заграничные коммунисты коррумпированы московским золотом».³² Многие прибывшие из Москвы чешские коммунисты были арестованы и во время допросов сообщили сведения, компрометировавшие Москву и левизу. 17 февраля Гиллерсон сообщал в НКВД, что полиции стало известно о приезде из Москвы курьера, который должен привезти деньги для левизы, и просил задержать курьера. В этой же телеграмме Гиллерсон указывал, что чешские коммунисты, прошедшие в Москве курсы Я. Салата-Петрлика по подготовке агитаторов и партийных работников, «оказались совершенно несоответствующими».³³

14 марта Гиллерсон передал в Москву, что созыв съезда конференция левизы отложила до 15 мая, «желая использовать это время на усиленную агитацию в пользу присоединения к III Интернационалу»: «Партийным органам дано распоряжение агитировать в этом смысле. Можно надеяться, судя по настроению конференции, на успех».³⁴ Последующие сообщения Гиллерсона были более оптимистичны. 31 марта он писал в Москву: «В левизе настроение бодрое. Уверены в положительном результате по вопросу о III Интернационале на предстоящем съезде».³⁵ 28 апреля Гиллерсон сообщал, что на предстоящем съезде левизы 15 мая «ждут благоприятных результатов, т.е. присоединения к III-му Интернационалу и принятия всех пунктов. Но все же можно ожидать попытки к некоторой самостоятельности. Ясно ли Вам там, в Москве, что к отдельным деятелям ИККИ выявляется в Европе заметная антипатия».³⁶ 3 мая Гиллерсон писал Чичерину: «С большим блеском для левизы прошли манифестации первого мая, который здесь считается официальным праздником. Митинг собрал громадные массы («Вацлавское намести» было букваль-

31 Там же, л. 26–27.

32 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 274, д. 53932, л. 31.

33 Там же, л. 45.

34 Там же, л. 64.

35 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 274, д. 53929, л. 14.

36 Там же, л. 24.

но запрещено). Лозунги – коммунистические. Митинги правицы, чешских социалистов вышли очень жалкими».³⁷

Но тем не менее корреспонденции из Праги омрачались жалобами на Вишневского и эмиссаров Коминтерна. Гиллерсон жаловался Чичерину и заместителю наркома Л.М. Карахану, что Вишневский стал уклоняться от его контроля, «ссылаясь на непосредственные свои сношения с Берлином». «Я этого допустить не могу, т.к. он является официальным сотрудником миссии, и его промахи могут скомпрометировать миссию», – писал Гиллерсон в НКВД 28 апреля.³⁸

Через день Гиллерсон передал в Москву «для Бухарина и Коминтерна» протест лидеров чехословацкой левицы А. Запотоцкого, Б. Шмеряля, Б. Гулы, А. Муны, Я. Гандлиржа и М. Ванека против действий представителей Коминтерна в Чехословакии М. Ракоши и Д. Алпари. Они протестовали, во-первых, против их практики приобретать сторонников путем подкупа, во-вторых, против того, чтобы решения ИККИ принимались на основе односторонней информации Ракоши и Алпари, просили лишить их мандатов и передать мандат для информации «кому-нибудь из русских товарищей».³⁹

К сожалению не удалось обнаружить донесения главы советской миссии в Москву о XIV съезде ЧСДРП (левицы), провозгласившем образование Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) и о присоединении к III Интернационалу. Но в изобилии наличествует документальный материал о проблемах, возникших в КПЧ в результате деятельности эмиссаров Коминтерна.

Пик борьбы с методами работы Ракоши, Алпари и Вишневского, точнее с их последствиями в чехословацком коммунистическом движении выпал на лето-осень 1921 г., причем ключевую роль в ней играл новый представитель РСФСР в Чехословакии П.Н. Мостовенко, возглавивший торговую миссию.

Причиной, побудившей Мостовенко вникнуть в деятельность Коминтерна и положение в КПЧ, явилась беседа с Бенешем, который обвинил советское правительство во вмешательстве во внутренние дела Чехословакии. 4 августа Мостовенко писал Чичерину, что Бенеш сообщил ему о наличии у него документов о снабжении агентами Коминтерна «чешских деятелей крупными деньгами». Министр также показал Мостовенко комплект печатных материалов и фотографий участников III конгресса Коминтерна, большую пачку фотографий работавших в Москве чехословацких комму-

37 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 274, д. 53929, л. 25.

38 Там же, л. 21.

39 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 274, д. 53932, л. 111.

нистов и заявил, что «дальнейшее продолжение их вмешательства в русско-чешские дела становится совершенно невыносимым». Мостовенко писал Чичерину, что «весь разговор в части, касающейся субсидирования, велся в тоне и с оговорками, убедившими меня, что такие данные действительно имеются».⁴⁰

После разговора с Бенешем советский представитель навел справки о тех данных, которые могли быть известны чехословацким властям, и, по его словам, «результат этих справок оказался очень печальным». «Картина деятельности здесь Алпари, Ракоши и Вишневого заключалась в том, что, обладая громадными суммами денег, они раскидывали их направо и налево с единственной целью откровенного подкупа политических работников», – писал Мостовенко Чичерину. Один из партийных деятелей рассказывал ему, как в апреле 1921 г. Алпари «всунул» ему 30.000 крон и предложил немедленно ехать в Брно, чтобы выступить перед рабочими с критикой Шмерала. «Деньги Коминтерна откровенно идут не на те цели, на которые они предназначены, – писал Мостовенко. – Публика, получающая субсидии, открыто тратит их на себя, ведя широкий и размахистый образ жизни».⁴¹ Весьма плачевна и судьба полученных из Москвы бриллиантов: часть из них якобы утеряна, а часть «реализована на весьма сомнительных началах». Такая деятельность эмиссаров Коминтерна создала атмосферу взаимных подозрений, грызни в КПЧ. «Разложение в среду работников вносится и с другой стороны: получивши задание от представителя Коминтерна, отдельные люди освобождают себя от всякой зависимости от партии и от ее контроля в соответствующих случаях, ссылаясь на то, что они заняты делами гораздо более важными», – указывал Мостовенко. Он негативно оценивал издаваемую в Праге при содействии Вишневого газету «Правда», которую считал «абсолютно никчемной», и к тому же, что еще «гораздо хуже», проводившей «какую-то политическую линию во всяких внутривнутрипартийных делах». Мостовенко считал, что причиной создавшегося положения в КПЧ явился метод работы «через чужих здесь людей, державших в своих руках вместе с большими суммами и возможность механически воздействовать на людей и на дела». Он просил задержать приезд нового представителя ИККИ и считал, что «единственным представителем Коминтерна» в Чехословакии может быть лишь ЦК КПЧ.⁴² Мостовенко понимал, что неосведомленность Москвы о положении дел в коммунистическом движении Чехословакии объясняется тем, что центр получает одностороннюю информацию от за-

40 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 274, д. 53929, л. 116.

41 Там же, л. 117.

42 Там же, л. 118.

интересованных лиц.⁴³ В телеграмме Чичерину от 10 августа он настаивал на своем срочном приезде в Москву.⁴⁴

Вопрос об одностороннем информировании центра был поднят Мостовенко в письме наркому от 25 августа в связи тем, что ему вручили для передачи письма, адресованные Б. Куну и М. Ракоши. Ознакомившись с их содержанием, Мостовенко обращал внимание наркома на письмо к Ракоши, в котором имелся лист на немецком языке. В письме говорилось о «сведении на нет левой линии, победе течения Шмералья» и о солидарности с ним советской миссии. Мостовенко недоумевал, из каких источников автор письма почерпнул сведения о последнем факте. Ванек, Гандлирж и Шмераль поддерживали контакт с советским представителем, а единомышленников автора письма, несмотря на весьма энергичные попытки, ему не удалось установить.⁴⁵ «Я отлично учитываю особенности, т.н. тактики Шмералья, равно как и мещанство здешней организации вообще. Ни мало не склонен солидаризироваться с ними, – писал Мостовенко Чичерину. – Вместе с тем, вполне определенно продолжаю стоять на невозможности бороться с этим явлением прежними методами, т.е. назначением особых уполномоченных-комиссаров с какими-либо особыми правами, вся работа которых заключается не в действительном преодолении этого мещанства, а вырождается в личную борьбу с наиболее серьезными, популярными и отвечающими качествам самой партийной массы здешними работниками».⁴⁶

По мнению Мостовенко, вся переписка должна проходить через полпреда, что позволило бы «обеспечить единство информации, и приложить свою оценку к информации из других источников, поскольку она расходится с нашей».⁴⁷

В письме Чичерину 29 августа Мостовенко вновь на примере письма «неизвестного товарища к Ракоши» обращал внимание на одностороннюю информацию: «Связь с Москвой очень слаба, добровольные корреспонденты обычно проявляют очень большое рвение, а кое-кто в Москве готов поверить всякой нелепице, не вдаваясь в дальнейшие обследования и подробности».⁴⁸

43 Там же, л. 119.

44 Там же, д. 53932, л. 211.

45 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 274, д. 53930, л. 7.

46 Там же, л. 7 об.

47 Там же, л. 7.

48 Там же, л. 12.

Принципиальные ошибки в организации связи и в целом работы со стороны Коминтерна, по мнению Мостовенко, создали тяжелое положение в КПЧ. Единственный выход он видел в прекращении всякой финансовой помощи и при условии, что «политическими представителями Коминтерна могут быть только ЦК местных партий». Мостовенко допускал, что Коминтерн может направлять и своих работников, но при обязательном условии работать исключительно с ведома ЦК и через него. «Это будет подлинная организация взаимной связи и взаимного осведомления и, хотя при разнородности национальных партий аппарат Коминтерна и не будет так внешне однороден, но зато он будет больше отражать фактическое положение дел», – подчеркивал полпред.⁴⁹

В руководстве Коминтерна сообщения Мостовенко вызвали гневный протест. 13 августа Г.Е. Зиновьев и К.Б. Радек направили в политбюро ЦК РКП(б) письмо, в котором обвиняли советского представителя в Праге в том, что он, поверивши Бенешу, шлет «позорнейшие телеграммы самого панического свойства». «Не имея ни малейших мандатов, вступает в переговоры с лидерами чешских ком[мунистов], вопит о мнимой деморализации этой партии, не имея понятий об этой партии. Это принесет величайший вред»,⁵⁰ – категорически заявляли лидеры Коминтерна.

В ответ на эти обвинения Чичерин 14 августа направил в политбюро письмо, взяв под защиту Мостовенко, который в своих тревожных шифровках сообщил о разговорах с чехословацкими министрами и обнаружил, по его мнению, угрозу для советской республики. «Если он тревожится за безопасность советской республики, цитадели мировой революции, он обязан об этом сообщать советскому правительству»,⁵¹ – считал нарком.

В. И. Ленин, ознакомившись с обоими письмами, оставил на полях сопроводительного письма В. М. Молотова пометку: «По-моему, поручить Зин[овье]ву и Чичерину устраивать периодические совещания для информации и считать инцидент «закрытым»». ⁵² Но Зиновьев раздувал межведомственный конфликт с воодушевлением не меньшим, чем пламя мировой революции. 16 августа он отправил Мостовенко письмо полное сарказма и иронии, обвиняя его в том, что он недостаточно знаком с политической обстановкой в Чехословакии, легко принимает «на веру все сообщения господина Бенеша», использует в качестве источников информации то ли его агентов, то ли

49 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 274, д. 53930, л. 13.

50 Коминтерн и идея мировой революции. Документы. Москва 1998, с. 306, док. 85.

51 Там же, с. 308, док. 86.

52 Там же, с. 307, док. 85, примечание 5.

какого-то «плаксивого представителя чехословацких центристов, склонных верить всякой сплетне». Зиновьев давал понять, что Мостовенко не должен вмешиваться в партийные дела в Чехословакии. «Но надо, чтобы Вы не верили сказкам и не поддавались шантажу и не посылали бы вследствие этого столь же панических, сколь и необоснованных донесений в Москву, – наставлял Зиновьев полпреда. – Будет крайне печально, если Вы, доверившись подобным источникам, в какой-либо форме сами поддержите вероятность подобных сообщений».⁵³

Зиновьев отвергал все «безобразия», о которых Мостовенко сообщал в Москву: «Мы смеем заверить Ваших информаторов, что никакой деморализации в рядах чехословацкой партии нет, и это одна из самых крепких, чисто пролетарская по составу партия».⁵⁴ В завершении письма председатель ИККИ подчеркивал: «Мы не требуем от Вас и не можем требовать, в силу Вашего официального положения содействия Коминтерну и коммунистической партии той страны, в которой Вы находитесь, но безусловно требуем – это чтобы созданием подобных легенд Вы не мешали работе Коминтерна и коммунистической партии той страны, где Вы представляете интересы советской республики».⁵⁵

Письмо Зиновьева Мостовенко получил только 8 сентября и оно окончательно убедило полпреда, что его сообщения в Москву «встретили со стороны Коминтерна вполне ведомственное отношение».⁵⁶ В тот же день Мостовенко написал Чичерину. «К сожалению, при чтении этого письма я не мог отделаться от впечатления, что Москва в этой области мирится только с информацией вполне определенного рода. Всякая другая информация вызывает только раздражение, подозрение и упреки. Между тем, я еще раз подтверждаю, что сущность того, что я писал по этому поводу остается в полной силе».⁵⁷

По поводу требования Зиновьева, чтобы полпред своими паническими сообщениями не мешал работе Коминтерна, Мостовенко считал, что «речь идет как раз наоборот, о том, чтобы Коминтерн не мешал сам себе и нам в нашей, вполне естественной и законной, с нашей точки зрения, работе». Что же касается КПЧ, то он разделял мнение Зиновьева, что уже в недалеком будущем она действительно «обещает стать одним из серьезнейших

53 РГАСПИ, ф. 495, оп. 71, д. 15, л. 27–28.

54 Там же, л. 27.

55 Там же, л. 28.

56 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 274, д. 53930, л. 40.

57 Там же.

наших оплотов в Зап[адной] Европе». «Тем более осторожно и щепетильно мы должны подходить к этой организации сейчас, когда она только складывается»,⁵⁸ – отмечал Мостовенко.

26 сентября Мостовенко писал Литвинову: «Возмутительная бумага, полученная мною от т. Зиновьева (копия т. Чичерину) только подчеркивает болезненность вопроса и необходимость категорического разрешения его. [...] Сказки о том, что я информируюсь от Бенеша или от центристов, конечно, совершеннейший пустяк. Факты говорят за себя». Он сообщал заместителю наркома, что располагает дополнительными материалами о коминтерновских делах в Чехословакии. Осознавая всю серьезность вопроса и необходимость его «категорического разрешения», Мостовенко пытался выяснить, может ли в создавшейся ситуации он рассчитывать на поддержку Наркоминдела, и считал целесообразным свой приезд в Москву.⁵⁹

Такая необходимость действительно была, так как политбюро ЦК РКП(б) 14 сентября 1921 г. по требованию Зиновьева назначило комиссию для рассмотрения обвинений, выдвинутых Мостовенко, с обязательным вызовом его лично.⁶⁰ Кстати, через него Зиновьев вызвал предварительно в Москву лидеров левого течения в КПЧ В. Штурца и его единомышленников, обязав Мостовенко снабдить их на дорогу деньгами.⁶¹

Полпред выехал в Москву в то время, когда в Праге собрался объединительный съезд КПЧ (30 октября – 4 ноября 1921 г.), завершившийся победой левых, избранием генеральным секретарем партии одного из их лидеров Б. Илека.

2 ноября вечером Мостовенко был принят Лениным.⁶² На следующий день состоялось заседание политбюро, на котором рассматривался доклад комиссии по поводу его обвинений. Политбюро постановило, что заключение комиссии требует «дополнительного ознакомления с материалами членов политбюро» и поручило новой комиссии в составе Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева и Л. Д. Троцкого «ознакомиться с материалами комиссии, запросив, в случае необходимости, личных объяснений от тт. Ванека, Мостовенко и Ракоши», причем к работе приступить немедленно.⁶³

58 Там же, л. 40 об.

59 Там же, л. 77–78.

60 РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 202, л. 4.

61 РГАСПИ, ф. 495, оп. 71, д. 15, л. 41–42.

62 Ленинский сборник. Москва 1980, т. 39, с. 362.

63 РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 225, л. 3.

На заседании политбюро 11 ноября председатель комиссии Каменев зачитал «предварительное заключение», исходя из которого ЦК РКП (б) не возражал «против немедленной поездки т. Мостовенко в Прагу впредь до окончания решения».⁶⁴ Однако на заседании политбюро 17 ноября Зиновьев настоял, чтобы в дополнение к этому решению была принята специальная резолюция, запрещающая Мостовенко вмешиваться во внутривнутрипартийные дела КПЧ.⁶⁵ В тот же день после заседания Чичерин послал Мостовенко в Прагу срочную телеграмму: «Цека поручает дать Вам директиву, чтобы на время Вашего пребывания на посту полпреда в Праге Вы ни в коем случае и ни в какой форме не вмешивались во внутривнутрипартийные дела чехословацкой объединенной коммунистической партии. В случае же обращения к Вам той или другой группы чехословацких коммунистов или отдельных товарищей Вашим долгом является направлять обращающихся в Москву или к представителю Коминтерна в Чехословакии».⁶⁶

«Дело Мостовенко» продолжало оставаться в поле обсуждения политбюро до начала 1922 г. Только 7 февраля Литвинов известил полпреда, что «политбюро на заседании от 12 января по вопросу, касающемуся конфликта Вашего с Коминтерном, постановило: «считать ликвидированным»».⁶⁷ Трудно определить, что сыграло решающую роль в благополучном исходе дела: личное заступничество Ленина, который знал его с 1905 г. и хорошо к нему относился,⁶⁸ или принципиальная позиция НКВД, или то и другое вместе. Но в своих донесениях в Москву Мостовенко по-прежнему продолжал информировать НКВД о положении дел в КПЧ. 27 сентября 1922 г. он не без удовлетворения сообщил, что завершившаяся накануне конференция КПЧ исключила из партии «виднейших главарей» левого течения – В. Штурца, Б. Илека, В. Болена и др. По мнению Мостовенко это решение не должно вызвать раскола партии, не позволит «зарываться целиком во внутренние дразги», но послужит оздоровлению партии и позволит «вернуться к общеполитической работе в стране», «возможности проявить себя, наконец, как активной силой».⁶⁹

В письме Литвинову от 12 января 1923 г. Мостовенко вновь поднял вопрос об отношениях возглавляемой им миссии с Коминтерном. Он жало-

64 Там же, д. 229, л. 1.

65 Там же, д. 231, л. 2.

66 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 274, д. 53933, л. 22.

67 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 275, д. 53944, л. 4.

68 РГАСПИ, ф. 12, оп. 2, д. 204, л. 8–8 об.

69 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 275, д. 53943, л. 18–19.

вался, что миссии навязывается «передаточная роль» между Коминтерном и КПЧ, и чехословацким властям об этом известно, как «известны и люди, которым в миссии поручена эта связь», «известны случаи, когда в миссию приезжали из Москвы представители Коминтерна». ⁷⁰ Мостовенко опасался, что все это дает повод для компрометации миссии. Он просил Литвинова «по товарищески переговорить с т. Пятницким», настаивал «на нецелесообразности и ненужности в здешней обстановке использовать миссию для нелегальных целей» и предлагал рекомендовать Коминтерну, во-первых, «наладить эту связь через Берлин, минуя нас и наших курьеров», во-вторых, «аннулировать возложение на кого-нибудь из сотрудников миссии функции этого посредничества». Мостовенко обещал, что в случае необходимости он передаст «два-три руководящих письма на имя Шмерала или Запотоцкого» без всяких посредников: «Для этого не понадобится ни особого человека, ни особых функций». Мостовенко уверял «товарищей», что чисто «политическое общение мое с коммунистическими парламентариями – куда взаимно необходимее такой почтальонской работы». ⁷¹

Неизвестно, какую роль сыграла позиция Мостовенко в отношении Коминтерна в его отставке с поста полпреда в Праге месяц спустя, но его премника К. К. Юренева Литвинов предостерегал: «Будьте осторожны в своих отзывах о работе компартии и Коминтерна и в своих разговорах с коммунистами. [...] Лучше совершенно не вмешиваться в эти дела». ⁷²

Таким образом, документы миссии Красного Креста и торговой делегации РСФСР в Праге свидетельствуют, что через сотрудников советских миссий исполком Коминтерна поддерживал отношения с левицей, а затем КПЧ, осуществлял переписку и финансирование. Руководители миссий С. И. Гиллерсон и П. Н. Мостовенко ко многим директивам Коминтерна относились весьма критически, считая, что они основаны на односторонней информации, на незнании реальной ситуации в Чехословакии, что причастность миссий к конспиративной деятельности Коминтерна наносит серьезный ущерб развитию советско-чехословацких отношений. Однако, несмотря на свое личное мнение, в конечном итоге они вынуждены были следовать директивам Москвы.

70 АВП РФ, ф. 04, оп. 43, п. 276, д. 53951, л. 28.

71 Там же, л. 29.

72 РГАСПИ, ф. 159, оп. 2, д. 2, л. 49.

The Activity of the Communist International and Founding of the Czechoslovak Communist Party in the documents of the first Soviet Missions in Czechoslovakia (1920–1921)

The author of the article investigates the documents of the mission of the Red Cross and the trade delegation of the Soviet Russia in Czechoslovak Republic which are kept in the Foreign Policy Archive of the Russian Federation (AVP RF) and the Russian State Archive of social and political history (RGASPI). These documents contain some information about the activity of the Comintern and the foundation of the Communist Party of Czechoslovakia in 1920-1921. The leadership of the Comintern used the Soviet missions in Prague to maintain the relations with the representatives of the left radicals in Czechoslovakia, correspond with them and finance them. There were members in the staff of the missions who were concerned with this commission of the Comintern. At the same time the leaders of the missions regarded the directives of the Executive Committee of the Comintern with some criticism. The author of the article demonstrates that the leader of the Soviet mission of the Red Cross Solomon I. Gillerson didn't believe in the revolutionary potations of the Czech labor class and he believed that the course on the split of the Czechoslovak social democratic workers party was a mistake. The chairman of the trade delegation of the Soviet Russia Pavel N. Mostovenko criticized the activity of the agents of the Comintern in Czechoslovakia. The leaders of the soviet missions thought that the participation of the missions in the conspirator activities of the Comintern did considerable harm to the development of the Soviet-Czechoslovak relations.